Житейскія встрѣчи.

V.

Извѣстныя слова московскаго митрополита Платона о томъ, что перегородки между людьми до неба не доходятъ, могли примѣняться къ условіямъ жизни русскаго общества съ большими оговорками. Конечно, до неба, какъ свидѣтельствовалъ знаменитый іерархъ, онѣ не доходили, но стоитъ припомнить хотя бы безправное положеніе старообрядцевъ, отданныхъ на жертву разнымъ „ревнителямъ о вѣрѣ", чтобы видѣть, какъ высоко подымались эти перегородки вертикально даже въ предѣлахъ одного вѣроисповѣданія. На-ряду съ ними твердо и неколебимо, стояли перегородки горизонтальныя, дѣлившія общество—провинціальное въ особенности—на рядъ слоевъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга закономъ, бытовыми особенностями, традиціями, застарѣлыми обычаями и предвзятою отчужденностью. Выйти за предѣлы ихъ было очень трудно, если не обладать молчалинскою приспособляемостью и скалозубовскимъ усердіемъ, которое „все превозмогаетъ". Сколько душевныхъ силъ, исключительныхъ способностей и упорнаго труда было потрачено выдающимися людьми, стремившимися пробиться къ свѣту, къ наукѣ или общественной пользѣ сквозь узкія щели этихъ перегородокъ! Сколькіе „занозили" при этомъ свое сердце или поступились своимъ человѣческимъ достоинствомъ...

Тѣмъ цѣннѣе были тѣ, кто занималъ, въ томъ или иномъ отношеніи, видное положеніе и не обращалъ вниманія на эти перегородки,—тѣ, кто, не считаясь съ ними, умѣлъ подъ сословною, племенною или вѣроисповѣдною оболочкою разглядѣть духовное

существо человѣка и оцѣнить его настоящій, а не удѣльный вѣсъ для общежитія. Служа одновременно укоромъ и примѣромъ погрязающему въ близорукой односторонности обществу, такіе люди широкихъ взглядовъ пріучали послѣднее къ оцѣнкѣ личности независимо отъ наклееннаго на нее ярлыка—и направляли разрозненные общественные взгляды къ однимъ и тѣмъ же нравственнымъ идеаламъ.

Иногда такими людьми бывали лица съ оффиціальнымъ положеніемъ. Стоитъ припомнить, напримѣръ, В. А. Арцимовича на губернаторствѣ въ Тобольскѣ и Калугѣ или К. К. Грота въ той же роли въ Самарѣ,—умѣвшихъ объединить вокругъ себя сотрудниковъ, работавшихъ по подготовкѣ и осуществленію освобожденія крестьянъ, и находившихъ отдыхъ отъ житейской борьбы и злостныхъ инсинуацій не за карточнымъ столомъ, а въ кругу спаянныхъ одинаковыми стремленіями мѣстныхъ дѣятелей—или, подобно Гроту, говорившихъ послѣ тяжелаго дня своимъ сослуживцамъ: „а не почитать ли намъ Пушкина?“.

Чаще эта роль принадлежала выдающимся по характеру, независимому общественному положенію и вліянію женщинамъ. Такія встрѣчались иногда и преимущественно въ провинціи и въ Москвѣ. Ихъ имена мелькаютъ въ мемуарахъ современниковъ, и одну изъ нихъ яркими чертами обрисовалъ Толстой въ своей русской Иліадѣ. Обыкновенно оффиціальнымъ средоточіемъ, вокругъ котораго вращалась губернская жизнь такъ называемаго общества, являлась жена начальника губерніи, становившаяся во главѣ мѣстныхъ благотворительныхъ учрежденій и различныхъ предпріятій въ этомъ родѣ и быстро вырабатывавшая въ себѣ по отношенію къ окружающимъ благосклонность взора и улыбку благоволенія. Но высшее служилое губернское населеніе рѣдко пускало прочные корни на мѣстѣ, подвергаясь переходамъ и повышеніямъ. И на-ряду со смѣняющимися, какъ китайскія тѣни, мимолетными образами высшихъ представительницъ служебнаго сословія нерѣдко возникалъ прочный и устойчивый образъ „старожилки“. Ее обыкновенно окружали не „всепокорнѣйшіе слуги“ и поспѣшныя подражательницы манеръ и вкусовъ, а свободно выросшее почтеніе на почвѣ признанія ея ума, житейскаго опыта и сложившагося годами участливаго и самостоятельнаго отношенія къ явленіямъ окружающей жизни. Мѣнялись и уходили представители бюрократіи и мѣстныя власти, а „сторожилка“ оставалась неизмѣнно на своемъ посту—авторитетная, безъ казеннаго обличья,—свободная во мнѣніяхъ и зорко-разборчивая, несмотря на тра-

диціонное гостепріимство, въ оцѣнкѣ людей. Смерть подобной женщины въ годы дѣятельной ея жизни оставляла долго ощущаемую пустоту,—смерть въ преклонномъ возрастѣ развертывала въ переживших ее цѣлый клубокъ свѣтлыхъ воспоминаній.

Такою была недавно скончавшаяся въ Харьковѣ 85 лѣтъ отъ роду, *Александра Гавриловна Харина*. Жена и затѣмъ вдова богатаго помѣщика Воронежской губерніи, выросшая въ зажиточной семьѣ, она вошла въ жизнь Харьковскаго общества во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ, когда послѣ Крымской войны на пышно распустившійся крѣпостной бытъ въ его разнообразныхъ проявленіяхъ повѣяло первымъ дыханіемъ морозныхъ утренниковъ. Освобожденіе крестьянъ, неизбѣжная близость котораго чувствовалась въ воздухѣ, взволновало провинціальную жизнь до дна. Въ ея мертвящія формы и догматы проникли микробы разложенія и возрожденія, вызывая ожесточеніе многихъ владѣльцевъ „крещеной собственности", надѣявшихся, подобно знаменитому московскому сатрапу Закревскому, что „въ Петербургѣ оставятъ эти глупости",—и восторженную готовность содѣйствія со стороны отдѣльныхъ группъ. При видимомъ внѣшнемъ спокойствіи провинціальное общество глубоко раскололось. Если оффиціальнымъ лицамъ волей иль неволей не приходилось рѣзко протестовать противъ шедшихъ изъ Петербурга указаній, то не зависящимъ отъ службы, но тѣмъ не менѣе выдающимся въ обществѣ людямъ, желавшимъ „сохранить свое лицо", приходилось неизбѣжно присоединиться къ одному изъ двухъ образовавшихся теченій. Жадный къ воспріятію новыхъ впечатлѣній, живой и гибкій умъ и чуткое сердце указали Александрѣ Гавриловнѣ, на чьей сторонѣ сущая правда и справедливость. Она безповоротно стала на сторону новыхъ началъ русской жизни, начатыхъ съ отмѣны крѣпостного права, и неизмѣнно осталась на протяженіи шести десятилѣтій вѣрною широкимъ взглядамъ на необходимость послѣдовательнаго гражданскаго обновленія родины. Всегда радостно относившаяся къ осуществленію великихъ реформъ шестидесятыхъ годовъ, она съ нескрываемою грустью и негодованіемъ отмѣчала ихъ искаженіе, систематическое замедленіе или лукавое непониманіе необходимой между ними гармоніи. Ея обширный домъ, въ видѣ замка въ стилѣ поздней англійской готики, окруженный тѣнистымъ садомъ, былъ не только гостепріимно открытъ во дни пріемовъ и домашнихъ празднествъ, собиравшихъ „весь Харьковъ", но и являлся мѣстомъ умственнаго отдыха и обмѣна серьезныхъ взглядовъ для осѣдлыхъ и пріѣзжихъ представителей науки и ли-

тературы и для судебныхъ и общественныхъ дѣятелей. Здѣсь велись долгія и ничѣмъ не стѣсняемыя бесѣды по острымъ или назрѣвшимъ вопросамъ, и нерѣдко читались доклады по разнымъ отраслямъ знаній или находившіяся еще въ рукописи выдающіяся произведенія, какъ, напримѣръ, „соната Крейцера“ до ея появленія въ свѣтъ.

Образованная и начитанная, умѣвшая сохранить въ своемъ обиходѣ добрыя стороны прошлой жизни,—привѣтливая, однако безъ назойливаго и неразборчиваго хлѣбосольства, она умѣла объединять у себя—для всѣхъ легко и удобно,—и молодежь, проникнутую „радостью жизни“, и оживленный смѣхъ дѣтскихъ игръ, и уравновѣшенность уже отживающихъ людей, и тревожную отзывчивость зрѣлыхъ людей на требованія и задачи дѣйствительности. Вотъ почему вновь поселившемуся не на краткій срокъ въ Харьковѣ, нерѣдко на-ряду съ желаніемъ узнать, какое впечатлѣніе произвели на него губернаторъ, архіерей и другіе „командующіе на заставахъ“—предлагался вопросъ: „Ну, а съ Александрой Гавриловной вы имѣли случай познакомиться“?

Искать знакомства съ нею и дорожить имъ побуждали не только ея несомнѣнный умъ и житейскій тактъ, но и ея непоказная, а искренняя сердечность въ отношеніяхъ къ людямъ. Воспитанная въ старой школѣ вѣжливости и приличія,—нынѣ, къ сожалѣнію, почти упраздненной,—она относилась со вниманіемъ и вдумчивостью ко мнѣніямъ своихъ собесѣдниковъ и *умѣла*,—что рѣдко у насъ случается—*слушать*. Но она была далека отъ молчаливой терпимости или поддакиванія, хотя бы и въ шутливомъ тонѣ, тому, что по ея убѣжденію было вредно или дурно въ общественной или частной жизни. Ея сердцу была чужда слезливая и неразборчивая чувствительность и поспѣшное распахиваніе дверей души предъ всякимъ мимоидущимъ. Но отзывчивое на дѣйствительное горе и муку, ея сердце способно было трогательно раздѣлять первое и тонко понимать вторую. Когда ей приходилось встрѣтиться съ настоящимъ страданіемъ, а приходилось часто—она не ограничивалась соболѣзнованіемъ, а стремилась не только успокоить, но и придумать исходъ изъ создавшагося положенія. Кончина ея не можетъ не вызвать во многихъ благодарныхъ воспоминаній о тѣхъ дняхъ, когда, входя со сжатымъ болью сердцемъ и омраченною душою въ ея свѣтлый, уютный кабинетъ—они уходили оттуда успокоенные нравственно и нерѣдко облегченные въ своей матеріальной нуждѣ. Чуждая всякаго внѣшняго оказательства творимаго ею добра, она слѣдовала завѣту о правой рукѣ, не вѣ-

дающей, что дѣлаетъ лѣвая, и любила втихомолку „подвязывать крылья“ людямъ бѣднымъ, трудоспособнымъ и даровитымъ, но безпомощнымъ на первыхъ шагахъ своего житейскаго пути. Вмѣстѣ съ тѣмъ она считала себя обязанною принимать активное участіе въ общественной благотворительности и въ поддержаніи разныхъ мѣстныхъ учрежденій общественнаго характера. Много лѣтъ она была дѣятельнымъ членомъ Харьковскаго Благотворительнаго Общества и Попечительницею двухъ женскихъ гимназій—казенной и частной, содержа въ одной изъ нихъ на свой счетъ рядъ воспитанницъ. Уже въ очень преклонномъ возрастѣ одушевилась она идеей почтить благородную житейскую и научную дѣятельность знаменитаго Харьковскаго окулиста, профессора Гиршмана, устройствомъ глазной больницы его имени, и стала во главѣ кружка, собравшаго на это подъ ея руководствомъ около 60.000 рублей.

Я узналъ ее въ 1869 году при довольно оригинальныхъ условіяхъ. Въ 1867 году въ Харьковскомъ судебномъ округѣ была введена судебная реформа, внесшая большое оживленіе въ мѣстное общество. Старыхъ приказныхъ людей и подъячихъ, въ плотномъ кругу которыхъ тонули отдѣльныя достойныя личности, смѣнили люди съ повышеннымъ образовательнымъ цензомъ, съ живымъ словомъ вмѣсто мертвой канцелярской переписки, съ горячимъ желаніемъ осуществить на практикѣ свѣтлые завѣты творцовъ Судебныхъ Уставовъ. Въ судѣ раздалось свободное слово защиты,—недавній рабъ, подлежавшій, еще пять лѣтъ назадъ, продажѣ и покупкѣ, возсѣлъ на скамьѣ присяжныхъ рядомъ съ представителями всѣхъ сословій,—наука въ живомъ и поучительномъ обмѣнѣ взглядовъ и выводовъ между экспертами—профессорами университета пришла на помощь гласному отправленію правосудія. Между молодыми людьми, имѣвшими счастье быть призванными на служеніе новому судебному строю, было много пріѣзжихъ изъ уже открытыхъ Петербургскаго и Московскаго округовъ. Харьковское общество отнеслось къ нимъ съ большимъ интересомъ, какъ бы повторяя слова поэта: „здравствуй племя младое, незнакомое“! Но всѣ они, отдаваясь всецѣло новому дѣлу, были крайне заняты и фактическое сближеніе ихъ съ лучшими представителями мѣстнаго общества, не принадлежавшими къ судебному вѣдомству, совершалось медленно.

Къ числу этихъ молодыхъ людей принадлежалъ и я. По должности Товарища Прокурора Харьковскаго Окружнаго суда я давалъ заключенія въ городскомъ Съѣздѣ мировыхъ судей и

выѣзжалъ два раза въ мѣсяцъ для того же въ уѣздные города Валки и Богодуховъ,—имѣлъ подъ своимъ наблюденіемъ пять слѣдственныхъ участковъ и часто выступалъ въ засѣданіяхъ по дѣламъ съ присяжными засѣдателями. Все это совершенно не давало возможности бывать въ „обществѣ" —и рѣдкій досугъ приходилось проводить въ тѣсномъ товарищескомъ кружкѣ. Лѣтомъ 1869 года крайнее переутомленіе и малокровіе, сопровождаемое горловыми кровотеченіями, вынудили меня поѣхать, по совѣту врачей, во Франценсбадъ, воды котораго въ то время считались чуть ли не панацеею отъ всѣхъ „лихихъ болѣстей".

Однажды, придя въ Post-Hof, гдѣ предстояло обѣдать съ семьей члена Харьковской Судебной Палаты Яблонскаго, я засталъ сидящую съ ними незнакомую мнѣ даму, подъ сорокъ лѣтъ, высокую и стройную, съ умными свѣтло-карими глазами и мягкими чертами не красиваго, но привлекательнаго лица. Шелъ оживленный разговоръ, въ разгарѣ котораго насъ забыли назвать другъ другу, быть можетъ предполагая, что мы уже знакомы. Послѣ обѣда Яблонскіе ушли „отдыхать", а я и моя незнакомка вышли въ паркъ, пробродивъ и просидѣвъ въ немъ болѣе двухъ часовъ, увлеченные бесѣдой на разныя общественныя и житейскія темы.

Тонкая наблюдательность, остроумныя обобщенія, богатый жизненный опытъ, справедливое отношеніе къ людямъ, въ личности которыхъ моя собесѣдница искусно отмѣчала свѣтъ и тѣни, объясняя послѣднія и подчеркивая первый—и, наконецъ, вдумчивое отноніеніе ея къ явленіямъ нашей государственной и бытовой жизни, и удивили, и очень заинтересовали меня. Время пролетѣло незамѣтно. Спросить, съ кѣмъ я „имѣю честь" бесѣдовать, было неловко. Чувствовалось лишь, что это давняя Харьковская жительница. У входа въ гостиницу, гдѣ она остановилась, на ея вопросъ: „извините меня, но я вѣдь не знаю, съ кѣмъ именно провела я это время?"—я назвалъ себя. „Ну вотъ, какъ это странно... Я Харина, и у меня не разъ являлось желаніе познакомиться съ вами, но мнѣ говорили, что вы нелюдимъ, и я не хотѣла стѣснять Васъ своимъ приглашеніемъ или получить вѣжливый отказъ". „Я дѣйствительно, очень занятъ,—отвѣтилъ я—а вы, какъ я слышалъ, занимаете въ Харьковѣ такое исключительное положеніе, что я не стремился, подобно многимъ, идти къ вамъ на поклонъ". „Ну вотъ видите,—сказала она, улыбаясь,—сама судьба устроила наше знакомство и я надѣюсь, оно будетъ продолжаться".

Съ тѣхъ поръ среди размѣренной и однообразной жизни водяного курорта мы встрѣчались почти ежедневно, и я имѣлъ возможность оцѣнить выдающійся умъ Хариной и ея замѣчательную способность дать каждому чувствовать себя легко и свободно. Иногда мы предпринимали вмѣстѣ съ Яблонскими поѣздки въ окрестные маленькіе городки—Эгеръ, съ его историческими воспоминаніями, Фалькенау, а также ѣздили въ Карлсбадъ, тогда еще не соединенный желѣзной дорогою съ Франценсбадомъ. Послѣдняя поѣздка оставила во мнѣ живое воспоминаніе объ остроуміи Яблонскаго и своеобразномъ способѣ выражаться его жены—сестры знаменитаго Мечникова—рѣчь которой изобиловала совершенно неожиданными оборотами. Такъ, напримѣръ, находя, что освѣщеніе улицъ въ Карлсбадѣ гораздо сильнѣе, чѣмъ во Франценсбадѣ, она сказала намъ: „а, вѣдь, здѣсь гораздо фонарѣе, чѣмъ у насъ".

Я оцѣнилъ, въ это время, и вдумчивую сердечность Александры Гавриловны. На порогѣ молодости мнѣ пришлось много страдать отъ сомнѣній и скорби, вызываемыхъ однимъ изъ тѣхъ житейскихъ гордіевыхъ узловъ личнаго характера, развязать которые не всегда хватаетъ умѣнія, а нерѣшительная мысль о разрубаніи которыхъ причиняетъ безысходную боль. Она умѣла чутьемъ понять мое душевное состояніе, хотя я о немъ никогда не говорилъ, и съ тонкою и догадливою деликатностью помогла мнѣ разобраться въ томъ, что меня смущало и угнетало. Вернувшись осенью въ Харьковъ, я уже пошелъ къ ней, какъ къ старому и испытанному другу, и затѣмъ, перейдя на службу въ Петербургъ, унесъ съ собой воспоминаніе о ея домѣ и семьѣ какъ о чемъ-то мнѣ родномъ и близкомъ. Нѣсколько лѣтъ спустя судьба послала мнѣ счастливую возможность въ свою очередь смягчить материнскіе горе и тревогу Хариной, вызванные характерными условіями режима времени конца 70-хъ годовъ, о чемъ я подробно разскажу въ моихъ воспоминаніяхъ судебнаго дѣятеля.

Харьковъ былъ поприщемъ первыхъ шаговъ моей судебно-общественной дѣятельности. Въ немъ остались сослуживцы и друзья, бывшіе „сотрудниками жизни" въ моей молодости. И гдѣ бы я ни былъ потомъ, при всякой возможности воспользоваться краткимъ отдыхомъ, я чувствовалъ, что „невольно къ этимъ берегамъ (довольно впрочемъ невзрачнымъ) влечетъ меня невѣдомая сила"... И въ теченіе сорока лѣтъ неоднократно посѣщалъ я дорогой мнѣ по воспоминаніямъ городъ, всегда находя радушный пріютъ въ обширномъ домѣ Александры Гавриловны. Иногда пре-

бываніе въ немъ были довольно продолжительны. Такъ, назначенный по высочайшему повелѣнію руководить изслѣдованіемъ причинъ крушенія 17-го октября 1880 года императорскаго поѣзда между станціями „Борки" и „Тарановка" и проживъ на мѣстѣ катастрофы три недѣли, я поселился затѣмъ у Хариной, что освобождало меня отъ неудобства пребыванія въ гостиницѣ, гдѣ было бы трудно оградиться отъ назойливыхъ и любознательныхъ посѣтителей,—и давало возможность сосредоточиться исключительно на сложныхъ перепитіяхъ дѣла, взволновавшаго всю Россію. Не могу не отмѣтить, что хозяйка, предоставившая въ мое распоряженіе для дѣловыхъ объясненій свою прекрасную залу, была такъ деликатна, что никогда не разспрашивала меня ни о какихъ подробностяхъ слѣдствія, несмотря на то, что ее, конечно, осаждали просьбами и разспросами именно объ этомъ.

Увѣренность моя въ томъ, что, вырвавшись изъ столичной дѣловой суеты, я найду у Хариной на нѣсколько дней тихое пристанище для физическаго и умственнаго отдыха, никогда меня не обманывала. И теперь, когда я пишу эти строки, передо мною возникаетъ рядъ дорогихъ мнѣ образовъ тѣхъ людей, которые составляли кругъ постоянныхъ посѣтителей всѣми ими искренно уважаемой хозяйки, бывая у нея каждый проѣздъ или приходя обычными гостями.

Я вижу—грузнаго, съ милой улыбкой и тяжелою поступью, Максима Максимовича Ковалевскаго, вносящаго въ бесѣду свой живой юморъ и добросердечную серьезность; оригинальную фигуру профессора Дмитрія Ивановича Каченовскаго, соединявшаго съ возвышенными общественными идеалами нѣжную и поэтическую любовь къ природѣ и искусству, и слышу его тихое, всегда какъ бы взволнованное слово; вижу чуткихъ и отзывчивыхъ профессоровъ Стоянова, Сумцова и Краснова съ его увлекательными разсказами изъ области этнографіи и землевѣдѣнія; создателя ботаническаго сада удивительнаго по богатству акклиматизируемыхъ породъ растеній, близъ заштатнаго городка Краснокутска (Харьковской губерніи), Ивана Ивановича Каразина, полнаго внутренняго огня и жажды дѣятельности; почтеннаго патріарха мѣстныхъ земскихъ учрежденій Егора Степановича Гордѣенко; моихъ товарищей, сотрудниковъ и уважаемыхъ противниковъ въ стѣнахъ суда Фукса — Морошкина и профессора Владимірова; вижу полную энергіи и жизни фигуру извѣстнаго хирурга В. М. Грубе; всѣми любимаго, сіявшаго тихимъ свѣтомъ безконечной доброты В. Г. Пономарева; Г. А. Тобизена, умѣло соединявшаго свою губернаторскую власть

съ сочувствіемъ всѣмъ лучшимъ общественнымъ начинаніямъ, и, наконецъ, милаго въ своей кротости, возвышеннаго въ своемъ умѣньѣ сострадать и знаменитаго въ своей медицинской профессіи блѣднаго, усталаго и всегда забывающаго о себѣ Леонарда Леопольдовича Гиршмана, упоминая имя котораго, хочется сказать: „tale nomen nullum par elogium". И, какъ связующее звено между этими разнообразными людьми, рисуется мнѣ она, такъ недавно почившая, „насытясь днями" жизни, полной разумнаго содержанія, и ушедшая въ другой міръ съ твердымъ и теплымъ упованіемъ на милосердіе Пославшаго ее въ этотъ.

А. Ѳ. Кони.

25 декабря 1916 года.